

вращенія Овидія, Золá очень просто преобразуетъ женщину въ богиню!

Каждый разъ, когда Сержъ встрѣчался съ своей сестрой онъ чувствовалъ въ ней принципъ враждебный ему; ему было тошно; съ отвращеніемъ и дрожью вдыхалъ онъ въ себя воздухъ, напоенный жизнью и производительностью, окружавшими его сестру; сама она казалась ему какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ: „ему все представлялось, что его сестра Деэпрé дѣлается громадною, когда она широко шагаетъ, размахивая пухлыми руками; юбки ея, качаясь во все стороны, распространяли около нея какую-то особую атмосферу, въ которой Сержъ задыхался“.

Мало-по-малу и весь городъ, гдѣ жила Деэпрé, и вся мѣстность, окружавшая ее, преобразились, какъ и она сама: „Ночью, еще пылающія отъ дневного жара поля, казалось, горѣли страстью“... Очевидно, авторъ ушелъ уже очень далеко въ сторону отъ изображенія реальнаго міра и весь отдался мифологическому творчеству. Въ той главѣ, которая посвящена Сержу и Альбинѣ, превращеніе реальнаго міра въ легендарный міръ еще болѣе доведено до конца во всѣхъ подробностяхъ. Чтобы преобразовать юнаго истерическаго патера въ библейскаго Адама, Золá долженъ былъ сдѣлать изъ него новаго человѣка, и вотъ онъ заставляетъ Сержа перенести для того тяжкую болѣзнь, по всей вѣроятности тифозную горячку; при помощи такого тифа Сержъ получаетъ вторую жизнь и въ то же время совершенно забываетъ свое прошлое. Придя въ себя, онъ видитъ у своего изголова молодую дѣвушку: „Я твое дѣтище, — говоритъ онъ ей: — ты будешь учить меня ходить“. Такая рѣчь очень оригинальна для больного, послѣ тифа, когда онъ не можетъ еще держаться на ногахъ; но зато слова Сержа носятъ на себѣ символическій характеръ: авторъ хочетъ ими сказать читателю, что Сержъ вступаетъ въ новую жизнь. Самое вступленіе въ новую жизнь описано у Золá шагъ за шагомъ, въ видѣ пролога къ дальнѣйшему существованію Сержа, какъ то могло быть нѣкогда съ первымъ человѣкомъ на землѣ. Первое прикосновеніе съ землею, когда больной, наконецъ, рискнулъ выйти изъ дому, дало ему сильный толчокъ, пробудило въ немъ жизнь и на минуту какъ бы приковало его къ землѣ. Но жизнь проснулась не совсѣмъ, а потому Альбина говоритъ Сержу: „Ты похожъ теперь на дерево, которое вздумало бы ходить“. Подобнымъ же способомъ Золá одухотворяетъ весь паркъ, какъ онъ то сдѣлалъ съ деревьями. Сержъ оглядывается кругомъ: „Повсюду младенчество; блѣднѣе